

ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ

— В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ

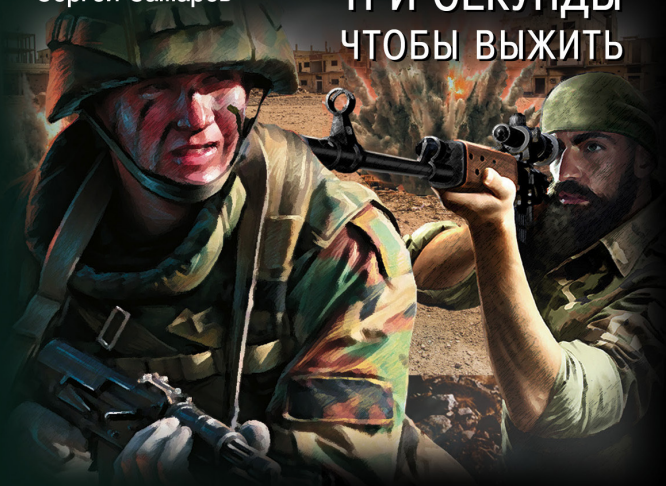

СПЕЦНАЗ

Сергей Самаров

ТРИ СЕКУНДЫ
ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

Сергей Васильевич Самаров

Три секунды, чтобы выжить

Серия «Спецназ ГРУ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42347927

Три секунды, чтобы выжить / Сергей Самаров: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-100961-8

Аннотация

Российской разведке становится известно, что экстремисты готовят провокацию против командования сирийской армии. Предотвратить бандитскую акцию поручено капитану Алексею Радиолову. Для этого его группу решено усилить еще несколькими бойцами. Радиолов едет встречать пополнение и на обратном пути попадает в засаду... Капитан недоумевает: как боевикам стал известен маршрут его поездки? Он еще не знает, что защита сирийских генералов – лишь отвлекающий маневр, на самом деле ГРУ осуществляет другую, более масштабную операцию, в которой Радиолову отведена особая роль...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	13
Глава вторая	27
Глава третья	41
Глава четвертая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Сергей Васильевич
Самаров
Три секунды,
чтобы выжить**

© Самаров С.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Пролог

Вернувшись в предоставленную группе квартиру и после безводного и бессонного перехода по пустыне вдоволь напившись воды, капитан Радиолов собрался, было, уже последовать примеру бойцов группы и лечь отдыхать, поскольку устный доклад полковнику Черноиванову уже провел прямо в боевой машине пехоты по дороге в город, передал полковнику с рук на руки захваченного в плен полковника разведки США и его спутника, бывшего ветеринара, имеющего по отношению к американскому полковнику какие-то отдельные мстительные планы, и освобожденных из плена сирийских майора аль-Хабиби и капитана Сахима, но не прошло и пяти минут, как они с полковником расстались, тот неожиданно позвонил ему на трубку:

– Алексей Терентьевич, полковник Селиверстов с тобой уже связался?

– Никак нет, товарищ полковник.

– Значит, вот-вот позвонит... У тебя какие планы на ближайшее время?

– Отоспаться. Мы же двое суток в маршруте были. Отдых требуется.

– Понятно. Ну все равно сначала дождись звонка своего командира, потом ложись. Как почувствуешь, что снова в силах, позвони мне. Поговорим.

– Полковник Селиверстов предупреждал, что нам, возможно, придется улететь тем же бортом, которым прилетели...

– Ситуация изменилась. Ваш борт уже отправился обратно. Вывозит бойцов военной полиции, которые свою командировку закончили. С другим бортом ротация прилетела. А к тебе сегодня днем прибывает еще один борт с пополнением твоей группы. Тебе необходимо будет встретить людей.

– Большое пополнение?

– Два человека. Те, что тебе понадобятся для выполнения нового задания.

Интерес к новому заданию, естественно, появился, но капитан Радиолов был все же просто человеком, а не машиной, на которую только с годами начинает действовать физический закон усталости металла, поэтому он даже ничего не спросил про новое задание, словно оно его не интересовало, лишь коротко ответил:

– Понятно. Встречу. Опять ехать в «Химки»?

– Нахватался уже словечек! Ну ладно. Туда, значит, туда. Придется... Значит, жди звонка своего командира. Потом, когда задание осмыслишь, мне позвони. У меня все. Конец связи...

– Конец связи... – подтвердил Радиолов, положил трубку на диван рядом с подушкой, а сам, прождав пару минут, все же лег, готовый сразу же ответить на звонок, но мгновенно уснул, положив на трубку ладонь. Если усталость не поз-

волит слышать звонок, то вибрация передастся в ладонь и обязательно разбудит. Раньше капитан всегда убирал трубку в карман под бронежилет. Но ее приходилось долго доставать, и он не всегда успевал сразу ответить, поэтому теперь привыкал держать ее ближе к руке.

Радиолову показалось, что он только-только закрыл глаза, когда трубка зазвенела знакомой мелодией марша «Прощание славянки» и завибрировала под ладонью. Но, бросив взгляд на часы, отображенные на экране трубки, обнаружил, что успел поспать в ожидании звонка от Селиверстова семнадцать минут. А звонил как раз он.

– Слушаю вас, товарищ полковник, – сказал Алексей в трубку, приглушая голос, чтобы не мешать спать другим «володавам».

– Как настроение, капитан? – спросил командир ЧВК. – Что у тебя голос такой смурной?

– Больше двух суток без воды шли по пустыне. Еле-еле вышли. На последнем дыхании и на силе воли. Сейчас пытаемся отоспаться и набраться сил. А настроение, как обычно, боевое. Готов прямо сейчас стрелять даже из-под подушки, если понадобится.

– Стрелять, вероятно, вскоре понадобится, не используя подушку. Можно даже на голову ее не класть. Не могу тебе сказать точно, в кого конкретно и по какому поводу стрелять придется, но необходимость, думаю, возникнет. У нас тут образовалась насущная необходимость раскрыть источ-

ник утечки информации. Искать придется по трем адресам, но я сомневаюсь, что ты сейчас в состоянии усвоить все имеющиеся у меня данные. Потому я дам тебе четыре часа на сон, а через четыре часа позвоню. Надеюсь, за четыре часа ты слегка в себя придешь. Договорились?

– Сейчас вечер. А через четыре часа уже глубокая ночь будет... Вы, товарищ полковник, опять в кабинете ночуете? – с сочувствием произнес Радиолов.

– Приходится. Служба у нас такая, что заставляет ночами работать. Правда, я не каждую ночь, но вот сегодня придется. Через два-три часа ко мне приедет генерал Трофимов со своими более-менее полными данными, а потом я тебе позвоню. Не обижайся, что разбужу. Меня в твоём возрасте без извинений будили. Чаше всего, «духи» в Афгане, да и собственное командование спать позволяло только в вертолетах, когда на задание вылетали. А летали мы днем и ночью. Прилетим с операции, и нас, без посещения казармы, в другой, уже готовый к вылету вертолет сажают, на ходу задачу ставят и карту местности в руки суют. Так что я давно уже привык. И ты постарайся через четыре часа быть в форме. Медики высчитали, что недопустимо спать меньше четырех часов, тогда организм не восстанавливается. А четырех вполне хватает. Все. Конец связи. Ложись немедленно, отдыхай. Время пошло.

– Конец связи, товарищ полковник...

Радиолов снова лег на диван, подумал, было, что следует

завести будильник, но сделать это не успел. Усталость его сломила, как обухом топора по затылку с размаху треснула, и он уснул, уронив голову на подушку...

Полковник Селиверстов всегда отличался пунктуальностью и даже щепетильностью в вопросах своей обязательности, но в этот раз позвонил через тридцать восемь минут после назначенного им самим времени, из чего капитан сделал вывод, что у Георгия Игоревича в кабинете находится кто-то посторонний, при ком звонить было нельзя. Как оказалось, вывод был сделан правильно.

– Не надейся, что я дал тебе поспать по доброте душевной, – сказал в трубку Селиверстов. – Не привыкай к такой ерундистике. Просто у меня тут люди сидели, что с генералом Трофимовым приехали. Несколько человек из тех, кого требуется проверять, – генерал предупредил меня. Естественно, при них я не мог тебе объяснять, что за операция на тебя возлагается. Но ты уже сам, скорее всего, понял, что ни жесткий диск с компьютера полковника Цитукаса, ни документы из его сейфа, ни допрос самого американца результатов нам не дали. Сейчас на поиски «кротов», а их, как говорят аналитики, в разных инстанциях должно быть не менее трех человек, направлены большие силы. Над этим работают и контрразведывательные службы ФСБ, и службы нашего Главного управления, и служба внутренней безопасности СВР, и контрразведка дивизии «Силы тигра».

– Проверяют даже здесь?! – удивился Радиолов, окончательно просыпаясь.

– А ты забыл, что данные по твоему прибытию были даны противнику в подробностях, которые могли знать только в штабе генерала Сухеля... Это же подтверждает и шифротелеграмма, полученная Цитукасом. Ее расшифровали с диска из сейфа, как и другие шифротелеграммы. Вот потому, после тройного анализа, и было предположено, что работают одновременно три источника утечки информации. Такой анализ не бывает ошибочным, и делали его аналитики трех ведомств, независимо друг от друга. Аналитики, даже не знакомые один с другим, тем не менее выводы сделали тождественные – три разных источника, все хорошо осведомлены, к тому же имеют доступ к секретным документам. Вычислить их, конечно, можно, но чрезвычайно сложно. И получится это только с помощью твоей группы, раз уж она на месте. Можно, конечно, и других людей прислать, но им понадобится время, чтобы в дело войти. А для нас каждый день может оказаться важным. Предательство обычно несет за собой чью-то гибель. Вот потому мы и торопимся. И рабочий, достаточно действенный вариант у нас только один. Ты как, не сильно возражаешь против того, что станешь приманкой?

– Если это необходимо для дела, я готов. И бойцы группы, я думаю, поймут. Но это значит, что мои подозрения относительно отдельных «волкодавов» несостоятельны?

– Скорее всего, так. Хотя ты осторожность все равно со-

блюдай. Мы проводили большую проверку, включающую анализ звонков с личных трубок, которые были оставлены на складе. Подозрительного ничего не нашли, хотя удалось даже восстановить запись отдельных разговоров. Однако все разговоры были произведены в то время, когда группа еще ничего не знала о задании. Это уже, по сути дела, говорило, что проверку можно и не проводить. Но ее все-таки провели, так сказать, для очистки совести. Безрезультатно! К счастью, как я полагаю. Но только с одной стороны. С твоей. Рядом с тобой, предположительно, нет предателей, и это счастье. С другой стороны, окажись предатель в группе, его легче было бы вычислить, можно было бы даже гнать через него дезинформацию. А теперь его надо еще поискать. Тем не менее ты, Алексей Терентьевич, когда будешь проводить инструктаж группы, продумай, что следует сообщать, а что сообщать совсем не обязательно. Короче говоря, не мне тебя учить, сам не ребенок, должен весь предстоящий разговор с постановкой задачи просчитать. Всякое в нашей жизни бывает. А у нас в разведке – тем более... Понял, о чем я предупреждаю?

– Так точно, товарищ полковник. Понял.

– Теперь конкретно о новом задании. Это первое задание из трех возможных. Разрабатывалось в Службе внешней разведки...

– Вопрос можно, Георгий Игоревич?

– Ну, попробуй...

– Полковник Черноиванов – человек СВР?

– Если он консультирует разведотдел дивизии, не думаю, что он раньше возглавлял полковую кухню. Да, он из отдела генерала Трофимова. У тебя с ним какое-то недопонимание?

– Никак нет, товарищ полковник. Мы с ним отлично сработались.

– Ну и отлично. В ближайшей, в первой из каскада трех операций, он будет тобой руководить. У него и полный инструктаж получишь. А насчет остальных операций – еще посмотрим, кто и что будет прорабатывать...

Глава первая

У полковника Черноиванова в разведотделе дивизии «Силы тигра» был собственный отдельный кабинет. Была в кабинете надобность или не было ее, никто не мог бы сказать точно, потому что застать полковника сидящим в кабинете было чрезвычайно сложно. Хотя, скорее всего, он был ему необходим хотя бы для того, чтобы его сейф с документами не стоял в чьем-то чужом кабинете и не оставался без присмотра. Поговаривали, что генерал Сухель, по настоянию полковника Имада аль-Аттана, начальника разведотдела дивизии, держал в штабе человека, который любой сейф мог бы открыть в течение пяти минут, имея только аккумуляторную дрель, тонкую отвертку и набор отмычек. Отмычки требовались собственно для замка, а дрель и отвертка в основном для отключения сигнализации. Но вместе с тем считалось, что человек этот, не сириец, а бывший пленный, захваченный когда-то отрядом «Хезболлы», выходец из израильской армии, был парнем ненадежным и потому находился под постоянным присмотром нескольких серьезных охранников, хотя внешне его свободу никто не ограничивал. Надеяться на его верность не приходилось, и к своим сейфам его старались не подпускать. Впрочем, сам полковник Черноиванов определенную часть времени проводил в кабинете аль-Аттана, так что мог бы и сейф поставить туда. У аки-

да¹ аль-Аттана кабинет был достаточно просторным, и вход в него находился прямо напротив тесной комнатки, где сидел дежурный по отделу офицер, поэтому двери кабинета всегда находились под приглядом. Но, по мнению сирийцев, наличие отдельного кабинета подчеркивало значимость человека – восточная мудрость! – И для российского советника кабинет все же выделили.

Капитан Радиолов, опасаясь не застать Черноиванова на месте, предварительно позвонил, как и договаривались, ему на сотовую трубку. Полковник обещал вернуться в кабинет через пятнадцать минут. К этому времени Алексей и подошел. Черноиванов, как обещал, был уже в кабинете и сидел в кресле за рабочим столом. Капитан присел на обязательный стул для посетителей, стоявший перед столом, сохраняя предельно прямое состояние спины, словно опасался, что стул под ним развалится. Стул, и в самом деле, был весьма ненадежным, даже под присевшим на самый краешек капитаном закрипел и «загулял» ножками.

– Хорошо отдохнул? – поинтересовался Черноиванов.

– По полной программе, товарищ полковник. Готов приступить к выполнению нового задания. Моя группа, думаю, тоже готова.

– Когда ты вошел, мне показалось, что от тебя спиртным

¹ Акид – звание в сирийской армии, идентично полковнику в российской и в других армиях, потому акидов иностранцы зовут часто просто полковниками. Сами сирийцы против этого не возражают. (Здесь и далее прим. автора.)

пахнуло.

– Никак нет, товарищ полковник. Не употреблял. У нас есть в запасе несколько пузырьков водочной настойки корня радиолы розовой. Если уж спать, бывает, хочется немого-ту, столовой ложки настойки хватает, чтобы обеспечить бодрость на десять – двенадцать часов. Но я сегодня не пользовался. Да и в марш в Кафр-Зиту мы с собой ее взять забыли. Настойка была у санинструктора, а он оставался во встречающей группе. А когда есть возможность просто отдохнуть и выспаться, мы к стимуляторам обычно не прибегаем. Мне лично вполне хватило отведенных часов, чтобы обрести бодрость. Другим «волкодавам», думаю, тоже. Так что обходимся без стимуляторов. Тем более без спиртного.

Полковник удовлетворенно кивнул и приступил к разговору.

– Ситуация, Алексей Терентьевич, у нас сложная. У нас имеются показания полковника Цитукаса, подтверждающие готовящуюся провокацию против генерала Сухеля. Кроме того, в компьютере полковника нашлись дополнительные подтверждения. Совмещая эти дополнительные подтверждения с показаниями захваченного тобой дагестанца из тех, что выставляли на твою группу засаду на дороге, мы смело можем предъявить Цитукасу обвинения и отправить его под суд хотя бы за организацию убийства и за попытку дестабилизации обстановки. Суд может и тебя вызвать для подтверждения твоего рапорта о двух пулях, пущенных дагестанцем

тебе в бронежилет. Может, даже придется представить его в виде вещественного доказательства. Только не передавай это вещественное доказательство в суд, просто покажи и все, иначе потом концов не найдешь. Можешь и свидетелей с собой прихватить, для подтверждения произведенных выстрелов. Здесь полковнику вместе с тем дагестанцем расстрел гарантирован. Работает закон военного времени. Но при этом мы не можем выяснить источники информации. На допросах к Цитукасу применялись спецсредства, и он обязательно сказал бы, что знает. Однако он ничего нам не сообщил. Получается, что не знает. А до его руководства, которое все знает, мы не имеем возможности дотянуться – руки, как говорится, коротки...

– Я бы, товарищ полковник, не исключил возможности того, что Цитукас владеет технологией устойчивости к применению спецсредств на допросах. Такой технологией даже я владею. Хотя я не полковник американской разведки, но знаю, что сами технологии длительное время разрабатывались в закрытых военно-психологических лабораториях США, а потом несколько лет испытывались на добровольцах² в Корпусе морской пехоты. За приличную, естествен-

² Технологии противодействия психотропным препаратам типа «развязывателя языков» или, как их корректнее называют, «сывороток правды», представляют собой обыкновенное интеллектуальное противодействие. Сами препараты, путем воздействия на определенные центры мозга, вызывают усиленное желание болтать и показать свою значимость. В это время задают вопросы, и человек отвечает на них порой против собственного желания. Но, если невозможно побе-

но, оплату или большие льготы после окончания службы. Без оплаты риска или еще чего-то равноценного американцы в добровольцы никогда не пойдут.

– Это исключено, – категорично замотал головой Чернованов. – Такой технологией и я владею, поэтому прекрасно знаю манеру поведения допрашиваемого. Цитукас вел себя совсем не так. А современных средств допроса в дивизии нет. Я запросил доставку из Москвы. Доставят, тогда допрос и повторим.

– Когда доставят?

– Возможно, ты и доставишь сюда из Хмеймима. Их передадут пилоты самолета, на котором к тебе прилетит пополнение. Часа через полтора надо выезжать, чтобы не возвращаться ночью, и снова не угодить в засаду, как в прошлый

дальше желание говорить, следует проявить интеллект и начать, к примеру, читать стихи или петь песни. В этом случае отсутствие вокальных способностей будет бить по ушам только того, кто ведет допрос, а незнание точных слов любой песни будет даже помогать отвлекаться от заданных вопросов, потому что человек будет лихорадочно искать в памяти правильный текст и забудет обо всем другом. Но уже существуют психотропные препараты, действующие по иной схеме. Они не возбуждают допрашиваемого, а, напротив, успокаивают, и одновременно ослабляют его силу воли. Тогда допрос становится похожим на вариант так называемого эриксоновского гипноза, когда пациенту не производится прямое внушение, однако сам он входит в глубокое трансовое состояние. С помощью отдельных препаратов, подмешанных, скажем, в простую воду, это делается достаточно легко. В трансовом состоянии снимаются все ограничения, страхи, переживания и даже фобии. Это дает возможность произвести в психологии человека глубокую перестройку и заставить его говорить все, что допрашивающий желает узнать. Против подобных препаратов не существует технологий психологической устойчивости.

раз.

– В прошлый раз засаду организовывал Цитукас. Сейчас вроде больше некому. Если только он не умудрится из здешней камеры руководить...

– В этом-то и вся наша беда, что, захватив Цитукаса, мы потеряли контроль за действиями противника. Я предлагал вести с ним длительную игру, но обстоятельства сложились так, что под угрозой была жизнь жены и дочери Гиваргиса, то есть майора аль-Хабиби, и он вынужден был применить крайние меры. Тогда хотя бы Абдурахман аль-Шишан давал сведения, теперь же он не при деле. Вернее, при деле, но не при том, он дает сведения, полезные разведотделу, а не нам с тобой. Тем не менее у Абдурахмана нет выхода на людей, которые могут против нас что-то предпринять. А там, на месте, остался очень серьезный профессиональный разведчик – полковник ЦРУ Алекс Воннегут, по которому давно уже пуля плачет...

– Слышал я, если долго и упорно плакать, результат какой-то обязательно будет... – усмехнулся Алексей. – Мой снайпер готов отработать ситуацию, хотя я с ним об этом конкретном деле еще не разговаривал. Но он у нас человек безотказный. Особенно в отношении выстрелов.

– Возможно, придется прибегать и к таким методам, но позже. Воннегут – это противник очень скользкий и более опасный, чем Цитукас. Но у нас нет на него никакого выхода. А после истории с похищением Цитукаса, Воннегут уда-

лил от себя последнего и единственного сирийца, который с ним сотрудничал. Опасается всего... Сейчас аль-Шишан пытается что-то у этого сирийца узнать. Но пока тот рассказал лишь о том, что полковник Воннегут занимается поставкой вооружений и координирует действия с другими отрядами бандитов, пытаясь восстановить единый фронт сопротивления войскам президента Асада. Объединяет силы так называемой умеренной оппозиции с «непримиримой оппозицией». Не зная обстановку, я предпочел бы не рисковать, и тебе, капитан, посоветовал бы вести себя точно так же – все действия проводить предельно осторожно. Даже самые простые. Даже за водой ходить с осторожностью. Не говоря уже о выставлении снайпера. Это может сорвать какие-то большие разработки. Если что надумаешь, то работать только по согласованию. Впрочем, воду вам обязался поставлять ефрейтор Салман. Он понимает ситуацию, я его инструктировал. Надеюсь, после небольшой прогулки по пустыне вы на своей базе не всю еще воду выпили?

– Не всю, товарищ полковник. Но одно ведро точно полностью опорожнили.

– Ариф³ Салман поедет в аэропорт с тобой. На том же пикапе, с тем же водителем. Группу с собой возьмешь?

– Есть такая необходимость?

– На всякий случай...

– Возьму троих, с которыми в Кафр-Зиту ходил. А что за

³ Ариф – звание в сирийской армии, соответствует ефрейтору в армии России.

бойцы прибывают? По воинской профессии...

– Пара снайперов с винтовками «Сумрак».

– У меня же в группе есть свой снайпер. Высококласный.

– Будет три... – загадочно произнес Черноиванов, явно чего-то недоговаривая.

– Существует такая необходимость для выполнения следующего задания? – Капитан сразу понял, что прибытие пары снайперов связано с чем-то конкретным.

– Конечно. Но я еще не готов к подробному разговору. К твоему возвращению, вероятно, у меня уже будут конкретные разработки по действиям группы. Так что, как вернешься, сразу ко мне. Кстати, у вас на базе, как я видел, лежащих мест не хватает. Салман обещал поискать в ближайших домах, среди развалин. Когда он по приказу действует, это не рассматривается как мародерство. Не удивляйся, когда принесут на весь состав, включая новичков. А пока можешь идти, готовиться в дорогу. Машина подойдет, ариф к вам поднимется.

– Понял, товарищ полковник...

«Волкодавы» группы были все на месте, исключая как раз снайпера, старшего лейтенанта Ласточкина, которого Радиолов намеревался взять с собой в поездку и о котором думал по дороге к своему жилищу. Старший лейтенант куда-то ушел, никого не предупредив, куда идет и зачем. Впрочем, это было вполне в стиле Ласточкина. Он мог просто выйти, а

потом только спонтанно решить, куда отправиться. Капитан это хорошо знал, поэтому просто позвонил старшему лейтенанту на сотовый телефон.

– Слушаю, командир, – отозвался Ласточкин почти сразу, словно трубку в руках держал.

– Ты где? Какого хрена ушел без предупреждения?

– С какими-то людьми познакомился, они пригласили меня к себе в подвал, угощают вот матэ. Хорошая семья, по-нашему, по-русски, бомжей. Живут, как бомжам и полагается, в подвале.

– На каком ты с ними языке общаешься?

– Есть, командир, международный язык жестов. Они им вполне сносно владеют. Я тут детишкам, а их пятеро в семье, принес дневную норму своего сухого пайка. Они счастливы несказанно... Имею я право свою природную доброту проявлять? Не все же время мне убивать! Нервная разрядка тоже нужна...

В этом старший лейтенант Ласточкин был прав. Капитан Радиолов много раз слышал про возможность нервного срыва у снайперов. Это только разного рода отморозкам кажется, что убивать очень просто и что в снайперы люди идут служить, потому что их натура требует убийства. Однако, что касается снайперов, туда вообще не попадают по собственному желанию. В снайперы отбирают только самых талантливых стрелков, длительное время упорно обучают многим премудростям, в число которых входит и неназойливая

психологическая подготовка. Но даже после этой подготовки на снайперов ложится большая психологическая нагрузка. А зарубки на прикладе, соответствующие количеству убитых противников, – это все выдумки конченных «либерастов», рисующих в своем воображении зверей в человеческом теле и не понимающих, что снайперы позволяют этим же «либерастам» жить, а они упорно, как дятел на бетонном телеграфном столбе, разбивают себе клюв, пытаясь обгадить своих защитников. Сам капитан Радиолов встречал за время своей службы множество снайперов, и ни у одного на прикладе подобных зарубок не видел. Да и телескопические приклады современных снайперских винтовок делаются обычно из такого материала, который ножу не поддается – это, как правило, или жесткий пластик, или металл. А чтобы снайперы, в дополнение к своему немалому обязательному грузу, еще и напильник носили – это был бы нонсенс. И без того у снайпера есть не самая легкая винтовка и такой же не легкий маскировочный халат, чаще всего, под названием «Леший», правда, в данном случае костюм «Леший», пригодный для использования в России, был оставлен дома и заменен специальным костюмом для работы в пустынной местности. Этот костюм представлял собой, по сути дела, сетку, только сплетенную из ленточных полос песочного цвета, а к костюму крепились вразброс якобы камни, но сделаны они были довольно искусно из папье-маше. Самый большой камень украшал головной убор снайпера и крепился широкой, чтобы не резала

тело, лентой-«липучкой» под подбородком, чуть в стороне от крепления шлема. При этом головной убор в виде камня надевался поверх шлема. Здесь следует учесть, что все это надевалось на комплект оснастки «Ратник», который сам по себе имел соответствующий вес в пределах двадцати килограммов. Кроме костюма и винтовки, снайпер всегда носил при себе большой запас патронов – ведь при некоторых заданиях ему случалось по несколько суток сидеть в засаде без движений. И запас патронов пополнить было невозможно. Это и обуславливало разницу в весе комплекта «Ратник» для отдельных бойцов. Как правило, у снайпера комплект был более тяжелый. Необходимость ношения комплекта обуславливалась тем, что ткань, из которой шьется «Ратник», не выпускает тепло тела наружу, следовательно, бойца бывает невозможно обнаружить с помощью тепловизора.

По большому счету боец-снайпер, в представлении капитана Радиолова, должен быть по натуре человеком несколько нелюдимым. Это еще и потому происходит, что ему часто приходится работать в одиночку. И он сам не должен стремиться к групповой работе, которая для большинства снайперов недопустима. В бытность своей службы в должности командира разведроты спецназа ГРУ, Алексей Терентьевич на снайперов насмотрелся. В каждом взводе роты было где по одному, где по паре снайперов. Парами снайперы чаще всего составляли антиснайперские группы, хотя это вовсе и не обязательно. Но у спецназа ГРУ собственная специфич-

ка ведения боевых действий. Во взводах разведроты снайперы были обыкновенными бойцами группы обеспечения безопасности, если можно выделить кого-то в такую группу. В условиях же боев на Северном Кавказе приходилось в основном заниматься уничтожением банд. Если банда была незначительной по составу, она была, чаще всего, местной, и против нее обычно действовали силами или спецназа полиции, или спецназа ФСБ – кто раньше до банды доберется. Если банда сильна и многочисленна – в ней в основном были выходцы из бандитских формирований, вернувшиеся или из Афганистана, или из Ирака, или из Сирии. Или даже банда в полном составе вышла оттуда. Что называется, вернулась в родные места, потому что на чужбине стало слишком опасно и возникала серьезная угроза никогда оттуда не вернуться. В этом случае бандиты имели значительный боевой опыт. И против них выставляли спецназ военной разведки как наиболее боеспособную часть армии. Сначала собирались данные на банду, потом спецназ выступал к месту проведения операции по уничтожению. Обычно дело происходило в глухих мрачных ущельях, куда редко заглядывают местные жители. Снайперы при выдвижении взвода грамотно использовали тепловизоры своих оптических приборов, высматривая отдельных бандитов и бандитские засады, которые не могли скрыть от тепловизора ни густые кусты, ни каменные брустверы, поскольку сквозь кусты «свечение» человеческих теплых тел просматривалось и простреливалось, а над камнями

ми, из которых бруствер и составлялся, обязательно стояло светящееся «тепловое облако», сразу выдающее бандитов. В задачу снайпера, если он сам не был в состоянии уничтожить засаду, входило нанести отметку в своем приемоиндикаторе⁴. Потом отметка появится на «планшетнике» командира взвода и у других бойцов на их приемоиндикаторах. А многие виды современного вооружения, доступные в настоящее время спецназу Главного управления Генерального штаба⁵, давали значительное, почти полное преимущество в схватке с бандитами. Так, часто была возможность попросту развалить каменный бруствер бронебойным выстрелом из РПГ-29 «Вампир»⁶. Против такого оружия ни одна засада не могла быть должным образом укрыта. Выстрел «Вампира» пробивает двухметровую железобетонную плиту или девятисот-миллиметровый лист бронированной гомогенной стали, как бумагу. Такой защиты нет даже у самого мощного танка. А

⁴ Солдатский приемоиндикатор – составная часть оснастки комплекта «Ратник», своего рода, упрощенный планшетный компьютер, входящий в экипировку солдата и осуществляющий связь через КРУС (комплекс разведки, управления и связи) «Стрелец». Позволяет поддерживать связь, в том числе текстовую, графическую, фотографическую и видео, между бойцом и командиром подразделения, передавать изображения с прицелов и приборов разведки.

⁵ Главное управление Генерального штаба – современное название ГРУ.

⁶ РПГ-29 «Вампир» – самый мощный из современных ручных противотанковых гранатометов. Под углом в шестьдесят градусов к поверхности выстрел РПГ-29 поднимает на воздух и разносит в клочья тяжелый железобетонный бункер, подбросив на десятки метров тяжелые бетонные плиты. Прицельная дальность до 500 метров, чего вполне хватает в условиях горного ущелья.

уж простые камни, даже не скрепленные раствором, просто разнесет в разные стороны в виде разной величины осколков, уничтожив тех, кто за таким укрытием прячется. Теми же самыми осколками камней убьет бандитов. Таким образом, снайпер только находит и показывает гранатометчику цель. К сожалению, РПГ-29 до сих пор является в войсках не самым часто встречающимся оружием, и потому снайперу приходится действовать своим оружием, которое тоже, кстати, может многое. Например, снайперская крупнокалиберная винтовка «Корд» при попадании в корпус разрывает его на части...

Глава вторая

В подразделениях спецназа ГРУ, в отличие от общевойсковых подразделений, где на вооружении снайперов по-прежнему находятся чаще всего обычные и, говоря честно, уже отслужившие свое винтовки «СВД⁷», снайперы вооружены более современным оружием. Особенно это касается тех подразделений, что участвуют в боевых операциях на Северном Кавказе. Часто спецназовцам приходится даже выступать в роли испытателей каких-то новых систем. Так, в бытность свою командиром разведроты, капитан Радиолов помнил, как снайперам его роты приходилось испытывать даже снайперские роботизированные комплексы, управляемые с простого смартфона через специально разработанную для этого случая программу. Тогда крупнокалиберная снайперская винтовка выставлялась где-то в стороне от основного состава подразделения. Снайпер наводил ее через монитор своего смартфона и в нужный момент производил выстрел. Сам он при этом имел возможность пользоваться собственной привычной винтовкой и поддерживать роботизированный комплекс своими выстрелами. Роботизированный комплекс практически создавал условия, схожие с условиями работы снайперских пар, только в этом случае работал

⁷ «СВД» – снайперская винтовка Драгунова.

только один снайпер. Чуть позже на испытания в роту приходили сверхдальнобойные и сверхточные снайперские винтовки СВЛК 14С «Сумрак»⁸, производимые частной компанией конструктора оружия Владислава Лобаева. И сейчас, отправляясь в Сирию в составе боевой группы ЧВК «Волкодав», в дополнение к своему привычному «Корду», снайпер группы старший лейтенант Ласточкин получил вторую винтовку – этот самый «Сумрак», снабженный в дополнение к мощному прицелу еще и тактическим глушителем⁹. И два прибывающих в качестве пополнения снайпера тоже имеют такие же винтовки. Это уже наводило на мысль об использовании снайперов в дуэли со снайперами противника. Но капитан решил не ломать себе голову над предстоящей операцией. Придет время, полковник Черноиванов все ему сам сообщит. Сейчас предстояло вытащить из сирийской семьи Ласточкина, которому, видимо, в гостях понравилось. И вытащить его требовалось как можно быстрее, чтобы он успел подготовиться к поездке. Это, впрочем, особого труда не со-

⁸ СВЛК 14С «Сумрак» – выпускается в Тарусе Калужской области в конструкторском бюро интегрированных систем (владелец В. Лобаев). Именно этой винтовкой был установлен рекорд дальности. Из винтовки «Сумрак» мишень была поражена на дистанции четыре километра сто семьдесят восемь метров.

⁹ Тактический глушитель – так называемый ПМС (прибор малошумной стрельбы); поскольку при выстреле из дальнобойной снайперской винтовки избежать начальной сверхзвуковой скорости полета пули невозможно, использование ПБС (прибор бесшумной стрельбы) считается нецелесообразным – он все равно не будет работать, и ПБС просто меняется на ПМС, только слегка приглушающий звук. ПМС, к примеру, ставится даже на пулемет «Печенег».

ставляло...

– Анатолий Васильевич, слушай приказ! – суровым голосом проговорил Радиолов. – Допивай быстрее свой матэ и возвращайся в расположение группы. Сейчас придет машина, едем встречать пополнение группы.

– В Хмеймим?

– Куда повезут... – уклончиво ответил командир группы.

– Понял. Возвращаюсь. А что за пополнение?

– Тебе что, не терпится поставить в известность обо всем сирийскую семью?...

– Понял, командир. Иду уже...

Командир решил вдруг, что у него нет причин держать старшего лейтенанта в «черном теле», и смиростивился:

– Пара снайперов прилетает тебе в поддержку.

– А мне оно надо?

– Нас с тобой не спрашивают, что делать. Что прикажут, то и будем выполнять.

– Уже матэ допил. Иду...

Вернулся старший лейтенант Ласточкин минут через пятнадцать. Сразу выпил эмалированную кружку воды, черпая ее из бака с краном, которым он не захотел воспользоваться.

– Когда едем? – утолив жажду и поставив кружку на крышку бака, спросил Ласточкин.

– Как только карету подадут.

– Опять в соседстве с пулеметом?

– На той же самой машине, с теми же самыми людьми.

– И в кузове?

– «Роллс-ройс»¹⁰, извини, для тебя не приготовили. Да он для здешних дорог не приспособлен. Карошко, Опарин, тоже готовьтесь к поездке.

– Опять засаду отлавливать? – спросил сапер группы старший лейтенант Опарин.

– Едва ли. Возвращаться будем днем. Бандиты в это время спят.

– Не каждый же день им спать! – шутливо возмутился Ласточкин. – Надо бы и понимание иметь. Если мы двоих снайперов встречаем, их следует сразу в рабочей обстановке на профессионализм проверить.

– Двоих снайперов? – переспросил Опарин.

– По крайней мере, не двоих саперов – это точно, – категорично сообщил Ласточкин.

– Значит, нам не предложат делать коридоры для прохода через минные поля, – делал вывод старший лейтенант и с демонстративным облегчением вздохнул. – Не попросят разминировать подземные галереи. А то я слышал, что их под каждым городом – море.

Машина пришла вовремя, как и обещал полковник Черноиванов. Об этом доложил ариф Салман, поднявшийся к

¹⁰ «Ролс-Ройс» – один из самых дорогих и самый комфортабельный в мире автомобиль. Говорят, если из-за шума улицы не слышно, как в машине тикают часы, завод меняет машину на новую, признав старую бракованной. Стоимость машины колеблется примерно от двадцати пяти до пятидесяти девяти миллионов рублей, в зависимости от модели и комплектации.

«волкодавам».

– Винтовку возьми другую, – приказал Радиолов, увидев в руках у Ласточкина привычную тому винтовку «Корд».

– Какая разница? – не понял приказа снайпер. – Бандиты все равно днем спят. Стрелять будет некуда...

– На досуге объясню... Бери «Сумрак».

– Не иначе, командир хочет заставить меня новый мировой рекорд дальности точного выстрела установить, – предположил старший лейтенант.

– Все может быть... Но с более легкой винтовкой и тебе легче.

Ласточкин подчинился приказу и заменил в кармашке «разгрузки» магазины с патронами калибра двенадцать и семь десятых миллиметра на сто восемь миллиметров на другие, калибра 408 Chey Tac¹¹, и взял в руки непривычную для себя винтовку.

Ариф Салман молча ждал у двери. Памятуя первое преодоление этой дороги, лишь спросил:

– Аккумуляторы для всех прицелов заряжены?

– Так точно, товарищ ефрейтор, – вытянувшись по стойке «смирно», доложил Ласточкин.

Машина стояла на улице против подъезда – тот же самый пикап «фольксваген амарок», на котором «волкодавы» при-

¹¹ Калибр 408 Chey Tac – специальные патроны для дальнобойных снайперских винтовок, в переводе на метрическую систему измерения составляют калибр «десять и три десятых миллиметра на семьдесят семь миллиметров», имеют очень высокую начальную скорость полета пули.

были в дивизию «Силы тигра».

– Бронезащиту ставить не будем? – спросил ефрейтора-переводчика командир группы. Защитные бронелисты со смотровыми щелями они ставили на ветровое стекло пикапа, когда ночью ехали в дивизию.

– Днем в этом нет необходимости. Днем обычно не ставят, – объяснил Салман.

– Что, днем вообще не бывает засад? – удивился лейтенант Карошко, рассматривая под солнечными лучами свою широкую, как бетонная лопата, ладонь.

– Крайне редко. Только в исключительных случаях, когда на кого-то охотятся.

– Значит, сегодня будет исключительный случай, – усмехнулся Ласточкин.

Ариф посмотрел на старшего лейтенанта с удивлением, но ничего не сказал.

«Волкодавы» заняли уже привычные места в кузове, капитан Радиолов, как и раньше, устроился в трехместной кабине, сразу обратив внимание на то, что простреленное им заднее стекло кабины было сменено на новое, целое. Это же из кузова заметил и старший лейтенант Ласточкин, о чем сразу и сказал по внутренней связи:

– Командир, в новое стекло стрелять надумаешь, не забудь нас предупредить, чтобы спрятались.

Стекло в прошлом рейсе пришлось прострелить, чтобы протянуть в кузов кабель к станции зарядки аккумуляторов

для оптических прицелов группы. Перед командировкой получили новую партию и зарядить просто не успели.

– Не забуду, – пообещал капитан. – А ты не забудь дорогу впереди в «оптику» контролировать.

– А что, есть опасность засады?

– Ты же сам только что «накаркал»...

Машина тронулась. В этот раз поехали гораздо быстрее, чем в предыдущий. По крайней мере, облако пыли, оставляемое пикапом, не могло угнаться за машиной и нагнало «волкодавов» только тогда, когда они остановились в деревне, где ночью была устроена на группу вторая засада. Сейчас здесь ничто не напоминало минувший скоротечный бой. Только в огороде за провалом забора виднелся один большой холм. Тела бандитов кто-то сердобольный все же похоронил в единой братской могиле.

– Салман! – позвал капитан ефрейтора-переводчика, – Ты же говорил, что в деревне не осталось местных жителей...

– Да. Местных жителей здесь нет.

– Кто тогда бандитов похоронил?

– Генерал Сухель послал экскаватор. Наш генерал не любит, когда трупы валяются, хоть свои, хоть чужие. Говорит, зараза от этого разносится.

– Ваш генерал прав, – согласился старший лейтенант Опарин, рассматривая стену из саманного кирпича, разбитую пулеметной очередью из кузова пикапа. – А кто пули выковыривал из стены? Здесь явственные следы ножа...

– Разве мне это докладывают! – пожал плечами ариф. – Может, сам экскаваторщик, может, рабочие, что с ним ездили. Кому-то зачем-то они понадобились... Может, что-то из них делают. У нас жестянщики и кузнецы всегда были в почете. С металлом работать умеют. Любую красоту выковать могут. Было бы из чего...

Молча расселись по прежним местам и поехали дальше. Только через минуту Радиолов попросил арифа перевести водителю просьбу остановиться там, где машина стояла раньше, и откуда стрелял пулемет. Пикап остановился через три минуты. Капитан вышел и осмотрелся.

– Карошко, когда ты стрелял, гильзы из пулемета куда вылетали?

– Часть – в кузов, часть – вон туда, – ткнул пальцем в обочину дороги лейтенант.

Капитан посмотрел в ту сторону – сейчас гильз не было.

– А из кузова где выбросил?

– Около места засады. Их там тоже нет, я смотрел. Подобрал кто-то...

Ничего подозрительного и предосудительного в этом не было. Если подобрали для работы, это хорошо. Но все же капитан опасался, что в деревне есть местные жители, про которых ариф не знает. А это автоматически означает, что необходимо соблюдать осторожность. Кто знает, откуда может прилететь пуля снайперской винтовки!

– Едем... – позвал Салман. – А то опоздать можем...

– Едем, – согласился Радиолов и вслед за ефрейтором сирийской армии сел в кабину.

Из дивизии «Силы тигра» до военной базы Хмеймим добрались без происшествий и, по сравнению с ночной поездкой от базы до дивизии, очень быстро. Да и преодолеть в дневное время тридцать километров по полупустой, укатанной и утоптанной дороге – на это и не требуется много времени. На въезде на авиационную базу, рядом с воротами, обвитыми рядами колючей проволоки, которая огораживала въезд и выезд, стоял блокпост, сложенный из тяжелых бетонных блоков. Чуть в стороне стояли три вагончика, которые в России обычно именуют строительными, но здесь в них, похоже, жили солдаты охраны. Если и не жили, то хотя бы находились во время свободной смены на дежурстве по охране военной базы. А жили солдаты, похоже, по другую сторону колючей проволоки, где располагался значительный по площади палаточный городок, сразу выделенный капитаном Радиоловым, которому многократно доводилось когда-то жить в таких палатках.

На КПП дежурили бойцы в форме морской пехоты, все в черных беретах. Радиолов знал, что в морской пехоте «черный берет» – это знак отличия, точно такой же, как во внутренних войсках раньше, а теперь в «Росгвардии», куда внутренние войска передали, – «краповый берет». И получить «черный» берет ничуть не легче, чем «краповый». Необходимо бывает пройти сложную систему отбора, выполнить тя-

желые для простого бойца нормативы, продемонстрировать свои боевые навыки и прочее. В спецназе ГРУ своих подобных знаков отличия не имеется. Но значок с изображением летучей мыши на фоне земного шара, что носится как нарукавная эмблема, уже сам по себе является знаком отличия. Не каждого призывают служить в спецназ ГРУ. В последние годы конкурс туда такой же, как когда-то в советское время был в институт кинематографии. Многажды участвуя в совместных операциях с «краповыми» беретами, капитан Радиолов имел возможность сравнивать боевую подготовку своих бойцов и смежников. Конечно, это было субъективным мнением, но Радиолову казалось, что солдаты спецназа ГРУ имеют значительно более высокую подготовку. Правда, в настоящее время ни сам капитан Радиолов, ни «волкодавы» его группы не носили эмблем спецназа ГРУ, хотя их подготовка в ЧВК мало чем отличалась от офицерской подготовки в бригадах спецназа военной разведки. Они вообще не носили погоны с офицерскими звездочками, поскольку официально уже попрощались с армией, хотя неофициально всегда имели возможность туда вернуться, поскольку продолжали получать жалование офицеров спецназа военной разведки. А это означало, что они по-прежнему оставались действующими офицерами Главного управления Генерального штаба Вооруженных сил России. Но объяснять это на КПП необходимости не возникло, поскольку Радиолов вышел из машины только для того, чтобы выпустить си-

дящего в середине арифа Салмана. Салман сразу двинулся к двери блокпоста, откуда уже появился очкастый прапорщик морской пехоты с каким-то журналом учета в руках. Поводил пальцем по строчкам, что-то отыскивая, потом сверил запись в журнале с номером автомобиля и козырнул ариффу, после чего сделал знак стоящему за воротами морскому пехотинцу. Тот все ворота раскрывать не стал, открыл только одну створку, пропуская пикап на летное поле. Сам прапорщик прошел за ворота пешком вместе с Салманом и дал какое-то распоряжение еще одному солдату. Тот довел арифа-переводчика до угла здания самого аэропорта, когда-то гражданского, но теперь про гражданские функции благополучно забывшего, и стал что-то показывать пальцем, попутно объясняя. Пикап тем временем подъехал к тому же углу здания, ариф благодарно пожал солдату руку и сел в кабину уже на место капитана Радиолова, который передвинулся к середине.

Пикап поехал, лавируя между большими военно-транспортными самолетами на стоянке, которых здесь собралось аж пять штук, и так добрался до предпоследнего, где рядом с трапом стояли два бойца с длинными снайперскими винтовками и большими рюкзаками за плечами: один – высокий, светловолосый, голубоглазый, второй – брюнет кавказского типа, ростом ниже среднего, широкоплечий крепыш, внешне слегка похожий на гнома, только длинной бороды не хватало. Между бойцами лежал на земле еще один громадный

рюкзак. Судя по угловатым контурам, распирающим ткань рюкзака, там находилось какое-то оборудование. Оба новых «волкодава» были в песочном «камуфляже» от комплекта экипировки «Ратник», но вместо погон носили, как и остальные, только маленькие погончики, к которым в служебное армейское время основные погоны и пристегивались. Короче говоря, выглядели оба как типичные «волкодавы». Ариф Салман и Радиолов вышли из машины, и капитан сразу направился к новичкам.

– Привет, ребята! – сказал Алексей Терентьевич. – Вы, как я полагаю, к нам? Кого высматриваете?

– Ищем капитана Радиолова, – сказал светловолосый. – Он должен нас встретить.

– Значит, к нам. Капитан Радиолов – это я. Вы от кого?

Снайперы, изначально стоящие вполоборота к нему, резко повернулись и настороженно посмотрели на него.

– От Селиверстова, – ответил тот же боец, как и полагается, не называя полковника по званию.

– Значит, я не ошибся. Представляться думаете?

– лейтенант Сергеев, – щелкнул каблуками берцев высокий снайпер.

– лейтенант Югов, – представился его коллега, пошевеливая плечами.

Но оба продолжали смотреть недоверчиво.

– Как поживают собаки в кабинете главного «волкодава»? – спросил Радиолов, чтобы развеять сомнения нович-

ков.

– Нормально поживают, товарищ капитан...

– Лают? – Это уже была проверка от самого капитана.

– Никак нет. Только головы поднимают и внимательно смотрят в три пары глаз, – ответил лейтенант Югов.

Ирландские волкодавы вообще редко лают. Радиолов сам ни разу их лая не слышал. Таким образом, взаимная идентификация состоялась, и не потребовалось даже звонить полковнику Селиверстову, чтобы он подтвердил личности прибывших новичков.

– Загружайтесь в нашу машину. Там уже есть один снайпер.

– Нас предупредили, что теперь будет трое, – кивнул Югов. – В кузов, я полагаю?

– В кузов. Автобус, как и троллейбус, нам не выделили.

– А здесь троллейбусы, товарищ капитан, разве ходят? – наивно спросил лейтенант.

– Понятия не имею. Но мы без этого транспорта обойдемся. Я правильно понял, что вы – выходцы из спецназа ГРУ?

– Так точно.

– Отлично! Значит, могу на вас положиться как на самого себя. В дороге оружие держать под рукой. По сторонам смотреть внимательно. Мы, когда прилетели сюда, по дороге до дивизии дважды попадали в засады. Правда, ночью ехали. Днем вероятность встречи с неприятелем меньше, но исключить ее полностью нельзя. Поехали, – распорядился Ра-

диолов, увидев, что старые и новые «волкодавы» уже знакомятся и пожимают друг другу руки. Им найти общий язык было не трудно. Они все одной породы, одной крови.

На КПП давешний прапорщик показывал какие-то документы генералу военной полиции. Это был, возможно, тот самый генерал, что летел в Сирию с первой группой «волкодавов», но капитан Радиолов видел его только со спины и потому не был уверен, что это именно он, и останавливать машину и выходить, чтобы поздороваться, не стал. Прапорщик, заметив приближающийся пикап, дал какую-то команду морскому пехотинцу у ворот, и тот распахнул створку. Выехали без проверки и быстро добрались до нужной дороги. Там медленно продвигалась какая-то колонна из грузовиков, БМП и четырех танков. Колонна поднимала много пыли, и водитель быстро обогнал ее. И дальше ехал, уже не снижая скорости...

Глава третья

Недалеко от развилки, где одна дорога поворачивает направо, а вторая стремится налево, в дивизию «Силы тигра», старший лейтенант Ласточкин сообщил по внутренней связи:

– Товарищ капитан. Недалеко от дороги в винограднике люди стоят. Остановитесь, чтобы их как следует рассмотреть. От тряски прицел прыгает, разобрать что-то трудно.

Радиолов через арифа передал приказ водителю, и пикап остановился.

– Здесь есть неподалеку населенная деревня, – объяснил Салман. – Люди, возможно, оттуда. Это, я думаю, их виноградники.

– У троих автоматы, у одного РПГ-7¹². С гранатометом в

¹² РПГ-7 – самый распространенный в мире гранатомет. Принят на вооружение в Советском Союзе еще в далеком 1961 году, но несет службу до сих пор. Предназначен для уничтожения бронетехники, живой силы противника и низкоскоростных, низколетящих авиационных целей. Хотя изначально РПГ-7 не предназначался для борьбы с авиацией, за годы войны во Вьетнаме северовьетнамской армией было сбито 128 вертолетов противника. Успешно использовался РПГ-7 и в Анголе против вертолетов ЮАР. Стоит на вооружении в ста пяти странах мира. Как большие достоинства этого вида оружия рассматриваются надежность, простота применения, относительная дешевизна гранатомета и отсутствие отдачи при выстреле. В настоящее время РПГ-7 в различных модификациях выпускается многими странами мира, в том числе и США. Зарегистрировано использование РПГ-7 незаконными вооруженными формированиями и организованной

поле работать – это, на мой взгляд, нонсенс, – заметил уже включившийся во внутреннюю связь лейтенант Югов.

– Один из них нас в бинокль рассматривает, – добавил свое слово и лейтенант Сергеев.

– Карошко! – резко дал команду капитан Радиолов. – К пулемету... Держи виноградарей под прицелом, но пока не стреляй. Просто припугни...

– Понял, командир, работаю...

В кузове закрипела пулеметная турель.

– Трогай потихоньку, но всегда будь готов остановиться, – передал через Салмана приказ водителю капитан.

Пикап неторопливо двинулся. Люди впереди в бинокль командира группы просматривались хорошо. Они, естественно, заметили поворот ствола пулемета в свою сторону, но особого беспокойства не проявляли. Это сказывалась обычная сирийская безалаберность.

– Салман, зачем деревенским жителям в поле оружие?

– Народ везде разный. Кого-то уже грабили, кто-то боится быть ограбленным, потому что ограбили соседа. Вот и вооружились. Только это единицы. Большинство оружия в руки никогда не возьмут. У нас в Сирии народ миролюбивый, войну не слишком любят.

– А гранатомет зачем? Танковую атаку ждут?

– Что под руку попало, тем и вооружились. Попала бы простая палка, вооружились бы палкой. А вообще-то бан-

диты часто на «шахидмобилях»¹³ гоняют. Против них автомат бесполезен. Там только гранатомет и спасет, – объяснил Салман. – У меня один знакомый есть, так он на крыше своего сельского дома зенитную установку поставил – счетверенные пулеметы, и мешками с песком обложил. Как только крыша выдерживает, хотя она и прогнулась в трех балках сразу. Бандитов рядом с деревней вертолеты разбомбили, установка осталась. Вот он сыновей вместе с соседями запряг, притащили ему и на крышу дома водрузили. Там, правда, один пулемет заедает, но три стреляют отлично. И что с ним сделаешь! Ну любит человек оружие, и все... И никто ему не запретит, потому что он никого не убивает.

Пикап между тем без происшествий проехал мимо виноградника с вооруженными людьми и сразу набрал скорость. Засадой здесь и не пахло. Машина благополучно свернула на прямую дорогу в дивизию.

– Всем в кузове! – потребовал Радиолов. – Не расслабляться. Смотреть внимательнее. Обо всем подозрительном докладывать.

– Работаем, командир... – как всегда за всех ответил стар-

¹³ «Шахидмобиль» – бронированный со всех сторон автомобиль, обычно внедорожник или пикап. Чаще всего используется шахидами для проведения террористических акций, когда броня не позволяет легкому оружию помешать начиненному взрывчаткой «шахидмобилю» добраться до какого-то места и там взорваться вместе с фанатиком-водителем. При этом может использоваться и в других целях, например для перевозки боевых групп с места одного боя к месту другого.

ший лейтенант Ласточкин.

– Особое внимание в деревне, где была вторая засада. Мы подъезжаем... – предупредил капитан.

До деревни оставалось около двух километров. Так как пикап имел емкую подвеску, неровности дороги не особенно чувствовались. Но вдруг в кузове, за спиной капитана, закрипела пулеметная турель, и водитель что-то сказал на арабском языке. Не успел ариф перевести:

– Турель он не смазал. Она и раньше скрипела, когда смазал – перестала. А тут вот закрипела снова, – как к этому неприятному звуку добавился новый, хорошо знакомый Радиолову, – это был звук удара пули в металл, но к нему, вдобавок, примешивался звук разбитого стекла.

И тут же крепко выматерился лейтенант Карошко.

– Что случилось? – спросил командир группы.

– Что-то в пулеметную оптику попало... – объяснил Карошко. – Прицел разбило. Камень, что ли...

– Что-то попало... – язвительно ответил Ласточкин. – Пуля попала. Какой камень сквозь прицел навывлет пройдет...

– Справа стреляли? Слева?

– Пулемет направо смотрел. И выстрел был справа.

– Салман, машину вот сюда... – пальцем показал Радиолов. – Направо... Под стену дома... Быстрее!..

Водитель сообразил раньше, чем ариф успел перевести, и остановился там, куда Радиолов показывал. Капитан выпрыгнул из кабины и одним взглядом оценил ситуацию.

– Как это случилось? – задал он естественный вопрос.

– Снайпер стрелял... – определил Ласточкин.

– Откуда?

– Думаю, из развалин дома, из глубины, из темноты, – проговорил Карошко. – Я туда пулемет наставил, в прицел посмотрел, но видно ничего не было. Только голову убрал, а тут выстрел. Одновременно с тем, как я голову убирал. Словно в меня стреляли.

– Попасть в прицел пулемета на движущейся машине... – с сомнением в голосе высказался Радиолов. – Это должен быть сверхстрелок. А таких в природе не бывает.

– Это случайность, – сделал вывод старший лейтенант Ласточкин. – Выстрел был направлен в голову Карошко, но он вовремя выпрямился...

– Дальше пуля куда пролетела?

– В дорогу, – предположил старший лейтенант Опарин. – Между мной и лейтенантом пролетела, – кивнул он в сторону Югова. – Мне по подсумку с магазином черкнула, вплотную прошла.

– Никак нет, – не согласился лейтенант Югов и показал пальцем: – Мне клапан подсумка сорвало. Пуля вплотную ко мне пролетела.

Радиолов поковырял пальцем подсумки одного и другого.

– Может, кого-то осколком пулеметного прицела задело? – предположил он.

– Или стреляли два снайпера одновременно, – высказал

свое предположение старший лейтенант Ласточкин. – Не важно. Не будем время терять... – И поднял на плечо свою винтовку, показывая готовность к действию.

А лейтенанты Сергеев и Югов переглянулись, кивнули один другому, понимая друг друга без слов, сняли с плеч рюкзаки и вытащили из них каждый по прибору, поверх которых было установлено что-то, напоминающее два бинокля. Один внешне был схож с обычным, второй, меньший по размеру и расположенный выше, напоминал театральный бинокль. Капитан Радиолов понял, что это такое, тем не менее спросил, уточняя:

– Индикаторы оптической активности?

– Так точно, товарищ капитан, – подтвердил догадку командира Югов. – Индикаторы наблюдения и обнаружения оптических систем «Луч-1М». Призваны бороться со снайперами и с наблюдениями в любой оптический прибор, отдельно выделяют видеосъемку – это, видимо, чтобы на журналистов патроны не тратить. Регистрируют приборы бронетехники и артиллерии. В природе существуют такие индикаторы, которые даже на очки реагируют. Но это не наши. Такие на службе в ФСО¹⁴ состоят. Наши куда как попроще и в чем-то функциональнее. Только сильные приборы улавливают, зато дают и координаты, и расстояние с точностью до метра. К сожалению, работают только в светлое время су-

¹⁴ ФСО – Федеральная служба охраны, занимается охраной высших должностных лиц государства.

ток. Но у нас есть с собой и специальные приборы для работы ночью – «Призрак-М». Но он передает данные только на «планшетник» с картой и не имеет звукового сопровождения.

– Вы только два индикатора привезли?

– Никак нет. Есть и третий – для первого снайпера группы. Полковник Селиверстов приказал доставить.

– Я так и подумал, что полковник обязательно позаботится...

– Доставляйте, – милостиво разрешил старший лейтенант Ласточкин. – Я с такой штукой пару раз работал в бытность свою в ОМОГ. Удобно, что ни говорите, и эффективно...

Из третьего, большого, рюкзака был быстро извлечен еще один прибор, и Ласточкин со знанием дела водрузил его себе на шлем. Заметно было, что навык работы с индикатором он имеет.

– Что еще интересного привезли? – спросил Радиолов, кивнув на рюкзак.

– «Фара ВР»¹⁵... – объяснил лейтенант Сергеев. – Станция ближней разведки. Умеете, наверное, пользоваться, товарищ капитан?

– Конечно. Обучался. И программа в «планшетнике»

¹⁵ «Фара ВР» – станция ближней разведки, российская радиолокационная станция непрерывного излучения. При работе в режиме «Разведка» определяет человека и любой движущийся объект на дистанции до 10 километров, разделяет в движении быстрый и медленные объекты, определяя таким образом механизированные средства передвижения, хотя их контуров не дает.

установлена. Прибор на треноге?

– Так точно.

– Выставляйте в кузов пикапа. Прямо рядом с пулеметом. Справа от пулемета, чтобы повыше выставить... Кабель протяните к автомобильному прикуривателю через стекло кабины.

Радиолов достал из большого кармана на груди свой «планшетник», из другого кармана вытащил длинный кабель, на одном конце, присоединяемом к «планшетнику», имеющий разъем мини-USB, на втором просто USB. И когда из рюкзака «волкодавы» вытащили и выставили в кузов сначала высокую треногу, потом на треногу установили станцию ближней разведки, присоединил второй конец кабеля к станции.

– Салман! – позвал он переводчика. – Машина должна сдать задом до конца дома, чтобы был обзор локатору через забор. Дом не должен мешать...

И сам запрыгнул в кузов, укрывшись за бортом. Так, лежа на животе и положив перед собой «планшетник», ему было удобно работать. Как только машина сдала задним ходом и остановилась, капитан включил режим «Разведка».

– Они уходят... – почти сразу же сообщил по связи. – Двое... Уже в поле. Дистанция километр семьсот шестнадцать метров. Снайперы! Ко мне! Работаем в темпе...

Все трое снайперов через три секунды оказались рядом и начали устраивать свои винтовки на заборе, выложенном из

мягкого саманного кирпича. Радиолов жестом дал направление, поскольку дистанция работы индикаторов оптической активности составляла всего километр четыреста метров, и снайперы противника за пределы этой дистанции уже вышли.

– Цель вижу! – первым доложил лейтенант Сергеев.

– Цель вижу... – один за другим доложили старший лейтенант Ласточкин и лейтенант Югов.

– Работайте...

Винтовки «Сумрак» были снабжены отличными прицелами и качественными глушителями. Тем не менее выстрелы, несмотря на эти глушители, звучали намного громче, чем выстрелы автоматов «АК-12» с глушителями, тем более что все три выстрела, по сути дела, слились в единый – настолько незначительным был промежуток между ними. Радиолов к моменту стрельбы по убегающим снайперам поднял бинокль и хорошо видел, как оба словно споткнулись и упали лицом в землю. Так падают только убитые наповал.

– Снайперы нас страхуют с места. Смотрят с индикаторами – нет ли кого-то третьего или даже третьего с четвертым. Мы поехали... – отдал команду Радиолов.

Старший лейтенант Опарин, хотя напрямую к нему команды не прозвучало, и следом за ним лейтенант Карошко запрыгнули в кузов и сразу улеглись по другую сторону от пулемета. Салман уже был в кабине. Пикап развернулся и сделал то, чего капитан никак не ожидал. Резко разогнав-

шись поперек дороги, «Амарок» протаранил саманный кирпич забора, развалил его и легко двинулся дальше, переехав колесами через нижний уцелевший ряд кирпичей, как через невысокий бордюр. Следующий, уже совсем невысокий забор оказал автомобилю незначительно большее сопротивление, видимо, кирпич там был крепче, но все же тоже уступил напору металла. Водитель гнал через поле, совсем не заботясь о тех, кто лежал в кузове. А их подбрасывало и швыряло, но «волкодавы» имели возможность держаться за борт, и это не позволяло им вывалиться на ходу. Через несколько минут напряженного движения водитель надавил на тормоза, и пикап достаточно плавно остановился.

Радиолов первым выпрыгнул из кузова с автоматом наперевес, еще в прыжке отыскав взглядом тела убитых снайперов, и в три скачка оказался над ними. Опарин с Карошко опоздали лишь на пару секунд...

Документов у убитых при себе не оказалось. Но, судя по лицам, это были европейские или американские наемники, каких встретить в рядах бандитов было не сложно. Одному пуля перебила позвоночник несколько ниже шеи, второму достались сразу две пули, симметрично в каждую из лопаток. Радиолов, пока шел осмотр карманов убитых, осмотрел их винтовки фирмы «Хеклер и Кох PSG-1» с большими магазинами на двадцать патронов¹⁶, захватил из подсумков убитых еще по два запасных магазина и убрал боевые трофеи в

¹⁶ Винтовка PSG-1 может иметь магазины на пять или на двадцать патронов.

кузов пикапа.

– Винтовки у бандитов хорошие, считаются высокоточными, – сообщил по связи своим снайперам. – Вооружим ими сирийских снайперов. Генерал Сухель нам спасибо скажет. И бронежилеты снимите. Тоже сирийцам передадим. Салман заберет. Он найдет, кому передать. Еще что... Парни «расписные». На таких иногда можно встретить татуировки с именами и фамилиями. Проверить...

– Винтовки в любом случае хуже наших, – заметил лейтенант Сергеев. – Они в нас не попали, а мы в них безоговорочно, с первой попытки.

Тела убитых забирать с собой не стали. Воспротивился водитель:

– В прошлый раз еле-еле отмыл кровь из кузова. Воды нам мало дают, – перевел его слова ариф Салман. – Пришлось травой вытирать. А травы тоже мало. Ссохлась уже.

Пикап назад ехал спокойнее, без излишней торопливости, и в кузове не так сильно трясло, по крайней мере угрозы вылететь не просматривалось. На дорогу выбрались тем же путем, через пролом в заборе. Радиолов выключил «Фару ВР», отсоединил свой кабель, убрал в разные карманы его и сам «планшетник», после чего освободил место в кузове для снайперов, а сам вернулся на привычное уже место в кабине.

Теперь поехали, как и раньше, быстро. Дорога тем и отличалась от поля, что позволяла ехать быстро.

– А почему они не стали дальше стрелять? Почему сразу

сбежать решили? – спросил капитана ариф.

– Кто? – не понял сразу Радиолов. Или сделал вид, что не понял.

– Бандитские снайперы.

– Сразу ошибку допустили. Не стали стрелять в водителя. Может, солнце в стекле отсвечивало, и водителя видно не было. Не знаю, но не стали. И это главное... А потом поняли, что нас слишком много для них. Может, увидели в прицелы, что в кузове три снайперские винтовки, и не рискнули, решили убежать. У них винтовки не дальнобойные. Думали, и у нас такие, а для простой винтовки они уже далеко были.

– Они могли бы остаться и дожждаться следующей машины. Мы же не знали, откуда они стреляли... Их пришлось бы искать, проходя через чистое пространство. А пространство простреливалось легко...

– Ты, Салман, один вопрос по существу задал. Почему они не стали ждать следующей машины? Я думаю, что они ждали специально нас. А другие машины их не интересовали. Это важный момент...

Капитан вытащил трубку и набрал по памяти номер полковника Черноиванова. Тот долго не отвечал, но наконец ответил:

– Полковник Черноиванов. Слушаю тебя, Алексей Терентьевич. Ты уже вернулся?

– Никак нет, товарищ полковник. В той же деревне, что и в прошлый раз, была устроена засада. По машине стреля-

ли два снайпера. По внешнему виду, европейские или американские наемники. Без погон. Может, какая-нибудь ЧВК типа нашего «Волкодава». В одном я уверен твердо: засада была устроена именно на нас!

– Откуда такая уверенность? Аргументируй...

– Если бы они ловили там любую машину, то остались бы на месте и не попытались бы скрыться после первой же неудачи.

– Я готов с тобой согласиться. Тем более что за десять минут до тебя там же проехала штабная машина с картами. «Ленд Крузер Прадо», не пикап. Значит, без пулеметного прикрытия. В них никто не стрелял. Да, ты прав. Я сейчас же звоню генералу Трофимову. Он предполагал, что такое может случиться. А материалы для операции твоей группы генерал мне уже прислал. Как приедешь, позвони. У тебя как, потерь нет, как я понимаю?

– У меня без потерь, если не считать уничтоженного пулеметного прицела на машине и порванной пулями одежды двух офицеров.

– А противник?

– Уничтожен... Два снайпера было... Винтовки с запасом патронов я забрал. Прицелы «Хенсол», дневные. Передадим сирийцам. Нам, думаю, просто повезло, что бандиты сразу не стреляли в водителя. Тогда могло бы быть хуже.

– Винтовки чьи? Американские?

– Немецкие. И прицелы немецкие. Но эти винтовки стоят

на вооружении в двадцати шести, если не ошибаюсь, странах мира, так что определить национальность снайперов по винтовкам невозможно. У одного был на шее католический крест на веревочке. Значит, не украшение. В качестве украшения носят на цепочке. Но что оба не мусульмане – это точно.

– Аргументы...

– Руки в татуировках. У одного левую руку змея опоясывает, у второго на плече цветной лев с разинутой пастью. Мусульманам запрещено изображать живых существ. Исламисты к этому относятся строго. Я слышал, что они в своих отрядах даже проверяют у бойцов татуировки по этому принципу. Но европейцам и американцам на это наплевать, как и исламистам на европейцев и американцев. Одни приехали сюда подзаработать, другие готовы платить.

– Ну, хорошо, Алексей Терентьевич. Как приедешь, позвони. Мне пока трудно разговаривать с тобой. Я на передовой линии. В окопе сижу... Обучаю бойцов работе с переносными приборами РЭБ¹⁷. Конец связи...

– Конец связи...

Капитан Радиолов уже знал, что в обязанности полковни-

¹⁷ Приборы РЭБ – приборы радиоэлектронной борьбы. В разных вариантах бывают в состоянии помешать как полетам «беспилотников», так и различных систем ракет точного наведения. Самые простые приборы отключают в определенном радиусе всю связь. Приборы РЭБ отличаются от станций РЭБ, как правило, только размерами и способами перемещения. Приборы возможно бывает переносить в рюкзаке, тогда как станция иногда состоит из нескольких машин.

ка Черноиванова входит еще и обучение персонала дивизии работе с различным оборудованием, поставляемым Россией в арабскую республику. Чаще всего это было разведывательное оборудование...

Глава четвертая

По возвращении капитан Радиолов позвонил полковнику не сразу. Сначала предпочел умыться холодной водой, потому что пыль на лице, казалось, осела толстым слоем и ощущалась уже как грязевая маска. Хорошо было бы принять душ, вымыть всю голову, но это в условиях воюющей Сирии было, скорее всего, нереальным. Радиолов задал по этому поводу вопрос ариффу Салману.

– А что ж вы раньше не сказали, товарищ капитан, – ответил переводчик. – В Хмеймиме русские сделали для себя баню. Моются постоянно. Я бы договорился...

– А здесь, в дивизии?

– Здесь есть несколько душевых кабин, но горячая вода только из той, что на солнце нагревается. Она даже не горячая, а сильно теплая.

– Понятно. Металлические листы добыть нам сможешь?

– Смотря какие...

– Чтобы емкость для душа сварить. И сварочный аппарат нужен. Я сам и сварю. У себя в гараже много чего варил.

– Проще сделать деревянный ящик, изнутри обклеить целлофаном и поставить на стойки на солнце, чтобы грелось. За полдня нагреется так, что потребуется холодной воды добавлять. У нас так делают.

– Хорошо. Добудь, что необходимо. Во дворе и поста-

вим... А пока заberi с собой бронежилеты убитых. Отдай, кому нужно. Тебе лучше знать, кому требуются.

— Сделаю, — кивнул ариф. — А на бронежилеты у нас спрос большой. Тем более эти — американские. Они легче европейских и только российским уступают.

После этого капитан позвонил Черноиванову.

— Приходи, — сказал тот. — Я в соседнем кабинете сижу пока, так что жду...

— Иду, товарищ полковник...

Добраться до кабинета полковника в разведотделе дивизии — вопрос трех минут, даже при том, что капитан понес с собой две трофейные снайперские винтовки вместе с запасными магазинами. Часовой при входе в разведотдел был уже другой, не тот, что утром, но тоже, видимо, знающий капитана в лицо, поэтому он с Радиоловым поздоровался с приветливой улыбкой и не спросил, куда и к кому капитан направляется, не поинтересовался даже тем, зачем капитан несет с собой две снайперские винтовки. В любом российском штабе, даже в самом мелком, обязательно возникли бы определенные вопросы. В длинном узком коридоре, куда не проникал свет и где не горело ни одной лампочки, ползла приятная прохлада вместе с легким сквозняком. Дверь в соседний с полковничьим кабинет, судя по множеству голосов, оттуда звучащих, была распахнута настежь. Радиолов заглянул за косяк и сразу встретился взглядом с полковником, склонившимся над картой, расстеленной на длинном столе.

Черноиванов по-арабски сказал какую-то длинную фразу стоящим вокруг него сирийским офицерам и сразу вышел к капитану, не дожидаясь ответа с их стороны. Дверь в его кабинет была закрыта на ключ, и он какое-то время еще проводился с замком, не сразу отыскав на связке нужный ключ, после чего распахнул дверь, запуская Радиолова. Сам же, войдя вслед за капитаном, сразу устроился в своем кресле и потребовал:

– Сначала рассказывай, что там у тебя произошло. С подробностями.

Радиолов рассказал, не пропустив ни одной детали, даже самой, на его взгляд, неважной. Он хорошо понимал: что кажется неважным ему, может быть важным для другого человека, особенно для того, кто хорошо знаком с положением вещей.

– Значит, индикаторы вам так и не понадобились?

– Станция ближней разведки сработала, – объяснил капитан.

– Ничего страшного, еще, думаю, понадобятся...

– По пополнению группы я уже понял, что нам предстоит антиснайперская операция, товарищ полковник.

– Да, догадаться было несложно, – согласился Черноиванов, не слишком высоко оценив догадливость Радиолова, считая это естественным делом для военного разведчика. – Но операция не простая. Основная задача твоей группой уже выполнена за счет уничтожения засады. Я связался с гене-

ралом Трофимовым, и он мне объяснил, что разным людям был предоставлен доступ к разной информации по времени прибытия твоего пополнения. Причем разница составляла не пару часов, на которые самолет мог задержаться, а двенадцать часов, чтобы избежать случайности. Теперь в Службе знают, кто «крот». Засада помогла его вычислить. Ошибки быть не может. Тем более твои выводы позволяют думать, что засада была выставлена специально на машину с твоей группой. Могу только поздравить...

– То есть, товарищ полковник, нас просто подставили под засаду, чтобы вычислить «крота»? Так получается? И не предупредили...

– Выходит, что так. Но сам я лично был не в курсе, скажу честно. Я бы предупредил. Но ты все равно вышел из положения с честью...

– А мог бы выйти с потерями в личном составе. Если бы первый выстрел был произведен в водителя, машина или остановилась бы, или перевернулась, вылетев в кювет. И тогда все мы стали бы неприкрытыми мишенями. За три секунды, отведенные снайперу на прицеливание, мы могли бы не успеть спрятаться. Но бандитский снайпер стрелял в пулемет. Или в лейтенанта Карошко, который только-только поднял голову от пулеметного прицела. Скорее всего, целились ему в голову, напрямую в МСР¹⁸, но нечаянно попали в

¹⁸ МСР – область мгновенного смертельного ранения, при выстреле анфас располагается в треугольнике между глазами и кончиком носа. При попадании в

прицел. Должно быть, пулемет смотрел прямо на снайперов, и потому понадобился такой выстрел.

– Я тебя понимаю. Тебя и твою группу, конечно, подставили. Но ты же, кажется, сам согласился быть приманкой для бандитов. Так генерал на мои высказывания отреагировал.

– Но хотелось бы все же, чтобы меня предупреждали об опасном моменте. В данном случае нам просто повезло, что снайперы стреляли не в водителя. Как я понимаю, солнце отражалось в стекле, и водителя не было достаточно хорошо видно. А стрелять наугад снайперы не привыкли. Им требуется четкая цель. Именно такая цель была в кузове. Да-

эту область пуля, проникнув в голову, поражает или мозжечок, или продолговатый мозг, при выстреле в профиль МСР представляет собой только маленькую точку за ухом. При попадании в область МСР смерть наступает мгновенно, человек умирает на расслаблении своей психомоторики и не в состоянии произвести даже какое-то судорожное движение, то есть не сможет нажать на спусковой крючок пулемета. Поражение в другую область головы не вызывает расслабления психомоторики. Вообще голова, по классификации полицейских снайперов и снайперов антитеррористических подразделений, делится на три зоны: МСР, СР и ТР. Вторая область – СР – смертельное ранение, при попадании в область СР террорист, даже получив смертельное ранение, случается, успевает в судорожном движении или нажать на спусковой крючок, или активировать взрывное устройство, за которое обязательно должен держаться рукой. Третья зона – ТР – область тяжелого ранения. Попадание в эту область не обязательно приводит к смерти, и какое-то мгновение противник еще может соображать и действовать. Все эти принципы относятся к стрельбе из так называемых полицейских винтовок, как правило, имеющих калибр не более семи с половиной миллиметров. А, скажем, попадание в любую точку головы из крупнокалиберной снайперской винтовки пулей калибра двенадцать и семь миллиметров несет мгновенную смерть и приравнивается к попаданию в область МСР.

же несколько целей. Но машина ехала на скорости, убегала от пыли, и выстрел первого снайпера был излишне самонадеянным. Часто случается, что после первого выстрела сразу звучит второй. Обычно снайперу отводится три секунды на прицеливание. И от этих трех секунд зависит жизнь или смерть моих бойцов. Второй снайпер не хотел отставать от первого, поторопился, да и от звука выстрела рядом у него рука дрогнула, и он тоже промахнулся. Или просто скорость машины правильно не учел, взял слишком малое опережение. А так, у нас могли бы быть потери еще до начала первой части всей операции. Я не могу знать, на что рассчитывал генерал Трофимов, но мне такое использование моей группы откровенно не нравится, и я чувствую необходимость отразить это в рапорте на имя полковника Селиверстова. О чем считаю обязательным сообщить вам, чтобы вы передали генералу Трофимову.

– Ты, Алексей Терентьевич, думаешь, полковник Селиверстов снимет твою группу с операции? Я лично в этом сомневаюсь. Ну, поговорят они с Трофимовым, и все забудется, поскольку трагических последствий не имелось. А что касается твоих опасений относительно выстрела в водителя, то машина просто свернула бы в сторону и остановилась под забором или за домом, вас прикрыв. Вы же в деревне находились, там кюветов нет.

– А если бы засада была установлена раньше, скажем, перед въездом в деревню? Там дорога высокая, насыпная. От-

кос больше двух метров. А вообще, у меня только одно пожелание и, я бы даже сказал, требование – чтобы нас предупредили об опасном моменте. О таком, например, как возможная засада. Я не привык полагаться на случайность. Три секунды до смерти или три секунды для дальнейшей жизни – это, на мой взгляд, лотерея, если хотите, вариант «русской рулетки», товарищ полковник. А «русская рулетка» – это из арсенала гусарства, а отнюдь не российского спецназа военной разведки. Спецназ привык действовать расчетливо, вычисляя ходы противника и противопоставляя им собственные комбинации. А ЧВК является прямым логическим продолжением спецназа...

Говорил Радиолов серьезно и даже с вызовом, что невозможно было не заметить. Однако полковник его понимал, как понимал всякого, кто ценность своей жизни осознает, и потому смотрел без приличествующей собственному званию строгости, более того, даже, скорее, дружелюбно.

– Ну ты, капитан, «разгулялся» по полной программе. Я теперь и не знаю, как тебе выкладывать оперативные данные для следующей части операции. Твое психофизическое состояние вызывает у меня откровенное беспокойство.

– У меня, как и у моих бойцов, с психикой все в порядке, как и с физикой, товарищ полковник. Можете выкладывать все по порядку.

– Хорошо. Выкладываю. Предположительно, эти два снайпера, что устроили на вас засаду, были из тех, что

несколько дней назад откомандированы с южного направления, из провинции, а, говоря по-местному, из мухафазы¹⁹ Дарья, в распоряжение полковника ЦРУ Алекса Воннегута, который курирует с американской стороны действия ами-ра Роухана. Сам факт такого откомандирования не к Роухану, а непосредственно к полковнику Воннегуту уже говорит о том, что здесь задействованы американские правительственные структуры. Нашими спецами в Хмеймиме была перехвачена и в Москве удачно расшифрована радиограмма по этому поводу. До этого оба убитых служили, предположительно, в частной военной компании, услуги которой официально оплачивают бандиты, хотя есть подозрения, что эти услуги оплачиваются из кармана Пентагона. Там, на южном направлении, в настоящее время действует целое подразделение снайперов американской ЧВК. И они доставляют немало хлопот сирийцам. Ведут целенаправленную охоту на офицеров, причем в строго определенном месте, что существенно подрывает боеспособность сирийских правительственных сил и наводит на мысль, что в этом месте готовится прорыв. Твоей, капитан, группе ставится задача добыть документацию из штаба американской ЧВК или у снайперов о том, кто отдает приказы – бандиты или американские официальные силы, что сидят на своей военной базе. ЧВК занимает отдельную позицию, в стороне и от американской базы,

¹⁹ Мухафаза – провинция в Сирии, единица административного деления страны.

и от главных сил бандитов, хотя в силы бандитов они органически включены, и даже держат часть обороны в окопах рядом с оппозицией. А подразделение снайперов, кстати, держится в стороне даже от общего состава ЧВК. Для выполнения этого задания твоей группе предлагается завязать с дальней дистанции снайперскую дуэль с американцами. Дальноточные винтовки «Сумрак» позволяют это сделать, не подпуская противника на опасную дистанцию, и в это время атаковать штаб подразделения и захватить документацию.

Полковник взял со стола связку ключей, повернулся в своем офисном кресле и открыл стоящий сбоку от него сейф. Вытащил оттуда несколько сложенных карт, сейф сразу закрыл и, снова повернувшись, положил карты перед капитаном Радиоловым:

– Вот предстоящий район действий твоей группы. Синим карандашом отмечен район обычной активности подразделения снайперов противника. По крайней мере, последние четыре дня они именно здесь работали. Подстрелили шестерых старших офицеров и двух младших. Обуславливается позиция тем, что напротив находится сирийский армейский штаб. Штаб корпуса, где служат старшие офицеры. Командир корпуса, предвидя наступление, которое готовится уже достаточно давно, выдвинул свой штаб на передний край. Винтовки у снайперов противника, как докладывает разведка, одинаковые. Такие же, как эти... – кивнул полковник на приставленные капитаном к стене трофейные винтовки уби-

тых снайперов. – Винтовка PSG-1, калибра семь, шестьдесят два. Дистанция эффективной стрельбы до шестисот метров. Разведка сирийской армии хорошо отработала. Разведка бандитов еще лучше. У них наверняка есть свой человек в штабе, который заранее предупредил, что для старших офицеров корпуса будет проводиться оперативное совещание. В этот вечер были убиты сразу четверо старших офицеров и пятеро солдат. Противник выставил целое подразделение снайперов. Никак не меньше десяти, судя по количеству одновременных выстрелов. Даже допускаю, что снайперов противника будет больше. Карты тебе выдаются разного масштаба. И топографические, и спутниковой съемки, хочешь, совмещай, хочешь, по отдельности работай, хочешь, фотографируй и загоняй себе в «планшетник». Топографические карты – местного производства, но названия написаны по-арабски и дублируются по-английски – прочесть сможешь. На картах спутниковых, понятно, обозначения на русском, поскольку они в Москве выполнены. Здесь же есть план-карта деревни, где на окраине, в сотне метров от жилых домов, располагается штаб американской ЧВК. Тоже в двух видах – в виде плана и в виде спутниковой съемки с большим увеличением. Забирай карты. Там все отмечено. У меня мои экземпляры остались. Вернешься к себе, посмотри карты. Прикинь, как будете работать. Как твои снайперы будут уничтожать группу снайперов противника. А они обязаны уничтожить. Не зря их вооружили такими винтовками.

Потом, как план прикинешь, мне доложишь, я выскажу свои соображения. У меня пока все. Можешь идти.

– Понял, товарищ полковник. Со своими бойцами я могу посоветоваться? Закрытой информации здесь, мне кажется, не имеется...

– Конечно... Снайперы лучше тебя должны знать, откуда им удобнее стрелять. А документация американской ЧВК – это твое попутное задание. Чтобы нам было, что предъявить американцам в случае их претензий по какому-нибудь поводу.

Когда капитан Радиолов объяснил группе поставленное задание, удивления или возражения никто, понятно, не высказал. А когда командир выложил на стол карты, их быстро разобрали и принялись изучать. Это заняло не меньше десяти минут.

Потом приступили к обсуждению.

– Вот здесь есть две интересные высоты, одна, правая, на нейтральной полосе в центре, чуть ближе к позиции сирийского корпуса, вторая, левая, вблизи позиции противника, – показал старший лейтенант Ласточкин карандашом, по воздуху рисуя круги над картой. – Отличные точки для стрельбы. Сейчас, я только дистанцию хочу измерить... – За неимением простой, старший лейтенант приложил к карте логорифмическую линейку, сделал несколько замеров, потом закатил глаза к потолку, беззвучно шевеля губами, – так он в

уме производил вычисления. — Вообще-то далековато слегка. Я лично с такой дистанции ни разу не стрелял.

— Сколько? — спросил Радиолов.

— Справа — три тысячи сто восемьдесят метров, слева — три тысячи двести пятьдесят. Как, коллеги, доводилось с такой дистанцией встречаться? — обратился Ласточкин к пополнению группы.

— Мне не доводилось, — честно признался лейтенант Югов. — Я вообще дальнобойную винтовку только недавно в руки взял и с ней еще не воевал.

— Я на стрельбище пробовал на три километра стрелять. Получилось, — сообщил лейтенант Сергеев, отчего-то краснея, словно стесняясь своего сообщения.

— Стрельбище в расчет не берем. Однако мировой рекорд, кажется, составляет больше четырех километров, — жестко, тоном настраивая всех на ответственный разговор, сказал капитан.

— Так то — рекорд... — попытался оправдаться за всю команду снайперов старший лейтенант Ласточкин. — Я не слышал, чтобы в армии кто-то так стрелял...

— Хорошо. Я соглашусь. Что ты предлагаешь? — спросил Радиолов.

— Я измерял дистанцию от их обычной позиции до штаба — чуть меньше шестисот метров. Стреляют почти на пределе. Но ближе подходить не рискуют. Опасаются, видимо, что их могут минометным огнем от своих отсечь. А хорошо бы

их как-то заставить подойти ближе. Тогда дистанция до них станет более приемлемой. И справа, и слева – меньше трех километров, в зависимости от того, как далеко они рискнут забраться. Но для этого требуется куда-то отправить минометную батарею, что штаб корпуса прикрывает.

– Ну, минометную батарею, предположим, вывести можно. Это вопрос решаемый. Только сделать это тоже следует умно. Например, к какой-то другой батарее присоединить еще пару, в том числе и «нашу». Это создаст видимость подготовки атаки на определенном участке. А вот как самих снайперов заставить выйти на ближнюю дистанцию?

– Сам же, командир, сказал, что в штабе «крот» работает, – вдруг оживился старший лейтенант Ласточкин. – Придется объявить, к примеру, еще одно совещание старших офицеров. Или заявить, что большое командование приезжает. Пусть полы в штабе основательно драят, пыль везде, где можно, старательно стирают, дорожки перед штабом выметают, и даже клумбу с цветами перед входом пусть разобьют. Главное, начать с дорожек. Это будет заметно в любой бинокль и без «крота». Подъездные пути пусть укатают – бульдозер, что ли, пусть пустят. Это будет весомый признак приема большого начальства. И главное, открыто не говорить о том, кто приедет. Загадочность порождает работу фантазии. Пусть фантазируют. Одна подготовка должна дать понять, что приедет большой начальник. А начальство любит ездить с сопровождением, которое обычно не из рядовых

состоит. Но всем работникам обязательно дать один и тот же конкретный срок окончания работ. Эти данные уже «крот» противнику сообщит. Нам со своими винтовками рядом со штабом лучше не светиться, чтобы «крот» нас не увидел. Разве что ночью прибывать. Выход на боевую точку следует наметить из других мест. Выход – на сутки раньше события. За сутки успеем обустроиться и присмотреться. Работать будем с двух высот – дальнюю, левую, которая к противнику ближе, я себе заберу, на вторую двух лейтенантов отправим, у них все же опыта поменьше, чем у меня. При этом в мое поле оперативной ответственности входит и деревня, рядом с которой располагается штаб подразделения снайперов. Хотя я и сомневаюсь, что у них есть свой штаб и собственная документация. Скорее всего, только общий блиндаж с отдельным закутком для командира, а какие-то документы придется добывать в штабе всей ЧВК, как и предполагал полковник Черноиванов. Сам штаб в деревне тоже попадает в сектор обстрела «Сумрака», правда, только под дальний обстрел. Но штаб ЧВК – это отдельный разговор. Пока мы только антиснайперские действия обсуждаем. Устраивает, командир, такой вариант?

– Меня устраивает. Главное, чтобы он устроил полковника Черноиванова и сирийцев, которым и предстоит заманить снайперов противника в ловушку. На страховку снайперской группы я могу выделить только троих бойцов. То есть по одному на каждого, хотя предполагаю непропорциональное

разделение. Старшему лейтенанту Ласточкину выделю двоих, а лейтенантам Сергееву и Югову только одного. Но при таком раскладе у нас получится на каждой высоте по три человека, которые сумеют отбить возможную атаку противника. Я все понятно изложил? Вопросов нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.